

MUSA BEEGHI AS A HISTORIAN OF THE RUSSIAN MUSLIMS' SOCIAL MOVEMENT

Damir Vaisovich Mukhetdinov,
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia,
ildar-nn@ya.ru.

Aidar Yurevich Khabutdinov,
Kazan branch of the Russian Academy of Justice,
7a 2-ya Azinskaya Str., Kazan, 420088, Russia,
aihabutdinov@mail.ru.

Ishat Ferdinantovich Gimadeev,
Kazan Federal University,
18 Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russia,
IFGimadeev@kpfu.ru.

The relevance of the problem under study is determined by the fact that today Muslim social movement is becoming more active and widespread in Russia and all over the world. The article aims to show how Russian Muslims' social movement combined the slogans for religious autonomy and the transformation of Russia into a legal state during the revolution of 1905-1907. The study of this issue is based on the theory of capital by Pierre Bourdieu, since the creation of a religious autonomy along with the religious capital by the clergy sought to acquire cultural, social and symbolic capital. We come to the conclusion that *Islahat Esaslary* ('*Fundamentals of Reforms*') by Musa Beeghi focuses on the desire of the Russian Muslim elite, especially the Tatar elite, to use the social movement and the reform projects of the period of the Russian Revolution of 1905-1907 to create stable structures of religious autonomy. Musa Beeghi's work tells of the projects by Rizaetdin Fakhretdin who played a key role in the religious structures of the Muslims of the Volga-Ural region, starting from the first years of the last century until his death in 1936.

Key words: Musa Beeghi, Islam, Rizaetdin Fakhretdin, the Russian Revolution of 1905-1907, the Orenburg Muslim Spiritual Assembly.

Musa Beeghi wrote a number of theological works which opened new horizons of Muslim theology. The main experts in his theological heritage are Professor Mehmet Gormez (he is now the President of the Turkey Office of Religious Affairs) [1], Professor A.N.Yuzeev [2: 344-384], and A.Khayrutdinov [3].

M.Beeghi was a reformer by nature. He combined scientific and social activities. During 1905-1906, M.Beeghi participated in three All-Russian Congresses of Muslims, he was a member of the Secretariat of the 3rd All-Russian Congress of Muslims, a member of the Commission of the Congress on discussing the program of the party "Ittifaq al-Muslimin", and also a member of the Central Committee of "Ittifaq".

M.Beeghi's historic merit was connected with his ability to recreate the most complete and objective image of the Russian Muslims' social movement at the beginning of the century in the book *Islahat Esaslary* ('*Fundamentals of Reforms*') [6:

71-75; 7: 52-63]. Researchers appreciated the book, putting it on a par with the *Mustafad al-akhbar* ('*Information gathered for the history of Kazan and Bulgar*') by Shighabetdin Marjani. In this book M.Beeghi systematized a range of resources on the history of the Russian Muslims' social and political movement in the early 20th century. The collection *Islahat Esaslary* ('*Fundamentals of Reforms*') is unique as it contains detailed comments of the compiler, who was a direct participant of those events [4: 143-144; 5: 51-54]. The book was prepared for publication in 1915, but it was not published until 1917 due to censorship. Unfortunately, this unique publication has not yet been transferred to the Cyrillic alphabet and re-issued, so it has not become the property of the general public. Kazan libraries do not have copies of this publication.

The backbone of the book consists of three groups of resources: the story of the origins of the Russian Muslims' social movement during the revo-

lution of 1905-1907 (the trips of Rashid-qadi Ibrahim and the convocation of the 1st and 2nd All-Russian Congresses of Muslims in 1905-1906); organized information on the activities of “Golyam Zhəmgyyate” (“Association of the Clergy”) at the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly (OMSA) in April 1905; and the documents related to the reform of the Spiritual Administration of Muslims.

The researchers who study the social movement of Tatars frequently cite passages from *Islahat Esaslary* in their works. However, none of these works gives a complete analysis of the resource. M.Bigi seeks to familiarize his readers with the concept of the creation of the autonomy of the Volga-Ural Muslims. The protocols of the 3rd All-Russian Congress of Muslims (1906), which were first published by the researcher, allow us to learn about the content of the projects on the creation of religious autonomy and its possible transformation into an All-Russian one. M.Beeghi’s attention was focused on Rizaetdin Fakhretdin’s activities; he played a huge role in the development of a number of reform projects of Spiritual directorates starting from the period of the revolution of 1905-1907.

Briefly describing Gabderrashid Ibrahim’s trip to the cities of the Volga-Kama region (Kazan, Chistopol, Perm, Ufa and Troitsk), the researcher cited the facts that indicate the role of the public figure in the consolidation of Muslims of the Volga-Ural region [5: 108-110]. Making efforts to overcome the spirit of incompleteness which reigned in the Tatar community, he started to negotiate with those who guessed the potential of the future leaders of the nation (the merchant and millionaire Wali Yaushev, the brothers Bubi, millionaire philanthropist Shaikhulla Shafigullin, rich landowner Shakir Khalfin, Kazan mullah Zarif Amirkhan and playwright Galiaskar Kamal). In January 1905, G.Ibrahim and Yu.Akchura discussed the issues concerning the unification of Kazan and Crimean Muslims. Yu.Akchura sent letters to I.Gasprinsky and Alimardan Alakbar oglu Topchubashov, the leader of Azerbaijani liberals. M.Beeghi was sure that it was thanks to the efforts of G.Ibragimov that the capital began to receive petitions from different parts of Russia to grant Muslims political and civil rights from the representatives of the Volga and Crimean Tatars and Azerbaijani liberals [9: 3-6]. Rashid-qadi sought to convene a congress of Muslims. The 1st All-Russian Congress of Muslims took place in August 1905 at Makaryev Fair in Nizhny Novgorod due to the coordination activities of R.Ibrahim, Yu.Akchura, I.Gasprinsky, and A.A.Topchubashov.

The second group of resources in the collection by M.Beeghi *Islahat Esaslary* (*Fundamentals of Reforms*) contains the documents relating to the meeting of the *Golyama Zhəmgyyate* (*Association of the Clergy*) at the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly (OMSA) in Ufa April 1905 under the chairmanship of mufti M.Sultanov (1885-1915). The event was established at the instruction of Sergei Yulyevich Witte, Chairman of the Council of Ministers, and held as part of the formation of the official report on the issue of the Muslim community [10: 154-159]. The meeting was attended by the Ulemas (Muslim scholars) from Kazan (G.Barudi, G.Apanay), Troitsk (akhun A.Rakhmankulov), Samara (akhun Sh.Minushev), Nizhny Novgorod (Kh.Suleymanov), Izh-Bubi village of Vyatka Governorate (Gab.Bubi), Semipalatinsk (G.Gimatdinov), Petropavlovsk (G.Yaushev), Saratov (akhun M.Engalychev), Orenburg (G.Davletshin, M.Khusainov), Uralsk (akhun M.Tukhfatullin), Sultanay village of Perm Governorate (akhun M.Mansurov), Kulbash village of Kazan Governorate and county (akhun S.Maksyutov), Perm (Kh.Khasankaev), Kasimov (akhun M.Davlekamov), Simbirsk (akhun M.Gaffarov), Manchyl village of Tyumen Governorate (akhun M.-Yu.Sagit), Ufa (M.-S.Khasani, akhun Kh.Usmanov), Kargala (M.Usmanov and Kh.Usmanov), Belebey (akhun D.Khurasmin), Pata (Sh.b.Habibullah), Moscow (akhun Kh.Agaev), Tomsk (akhun Kh.Khamidov), Khan Horde (akhun G.Gaysin), Verkhneuralsk (S.Muzafarov, akhun M.Bilyalov), Chyrshy village of Kazan Governorate (G.Zabirov), Miass plant (S.Bashirov), Buzovyaz village of Ufa Governorate (G.Khurasmin), Nokrat village (akhun G.Kasimov), Poshatovo village of Nizhny Novgorod Governorate (akhun Khus. Sokolov), Astrakhan (akhun M.Salikhov), St.Petersburg (akhun G.Bayazitov), Agryz of Vyatka Governorate (akhun A.Suyundukov), Chishma of Ufa Governorate (G.Mukhamedzhanov) and Sterlibash of Ufa Governorate (Sh.M.Tukaev). The participants included such future leaders of the social movement as the members of the Central Committee of “Ittifaq”: G.Barudi, G.Apanay, G.Bubi and Kh.Usmanov, the akhun of Ufa; the deputies of the 1st State Duma: D.Khurasmin, akhun of Belebey, and S.Maksyutov, akhun of Kulbash village of Kazan Governorate and county; the deputies of the 2nd Duma: Kh.Usmanov, akhun of Kargaly, and M.-S.Hasani, Ufa imam and mudarris; M.-Sh.Tukaev, the deputy of the 2nd and the 3rd State Duma and the mudarris of Sterlibash madrasahs, G.Bayazitov, the akhun of Petersburg and

Kh.Agaev, the akhun of Moscow. The Ulemas thus represented the huge space of the empire from St. Petersburg to Tomsk and from Astrakhan to Perm.

According to the documents, the Mufti of OMSA, M.Sultanov, said that in the matter of reforming OMSA one should act in accordance with the regulation on the management of the Transcaucasian Muslim clergy consolidated by the Imperial Court on April 5, 1872, which was a part of the Law Code of the Russian Empire, and the 11th volume (Part 1) of the *Code of institutions and regulations of the Department of Religious Affairs of Foreign Christian and heterodox confessions* (the edition of 1896) [11: 190-254]. M.Sultanov granted an audience to discuss the third section, *On the management of the Transcaucasian Muslim clergy of Shiite and Sunni faiths*, which is included into the 6th book *On the management of religious affairs of Mohammedans*. The mufti of OMSA recommended following the paragraphs of 1558-1672, which form the second chapter called *On the management of the Transcaucasian Muslim clergy of Sunni doctrine* [9: 16-17]. This chapter was printed entirely in the Tatar language in the *Islahat Esaslary* for a better understanding of the problem [9: 39-41].

The qadi of OMSA and the main speaker, R.Fakhretdin, granted an audience to discuss the project of the creation of a millet based on the Ottoman sample. As a unifying force, he recommended the establishment of the post of Sheikh-ul-Islam as the sole leader of Russian Muslims, elected by them, at the rank of Imperial Minister. The unified religious body of the Russian ummah – Congregation (Department) headed by Sheikh-ul-Islam, which consists of qadis-ulemas, was supposed to be located in the capital. The representatives of all mazhabs should have become the consultants of the Department of Religious Affairs of Foreign Confessions. At the local level, the proposal was to create a provincial government modelled on that of Transcaucasia. It was in the Caucasus where there was a quite well-composed three-level system of governing according to the Regulation of 1872:

1) The lower level which was represented by the clergy;

2) The middle level which was represented by governorate majlises who are a qadi as a president and two members;

3) The upper level which was represented by the Spiritual board which includes a mufti and three members [11: 235-244].

As a supporter of the transformation of the Spiritual Assembly represented by a mufti and qa-

dis in the power centre, R.Fakhretdin opposed the granting of governmental authority to provincial Majlises who were led in OMSA by *akhuns* as in Transcaucasia. The mufti, having both religious and secular knowledge, had to assume the function of intermediary between the millet and the ruler (*hökemdar*) with the government. According to R.Fakhretdin, the candidate for the post of mufti had to know the matters of education (*megarif*) and law (*khokuk*), and be familiar with Russian standards. People, applying for the post of qadi, had to speak Russian. R.Fakhretdin advocated the creation of a stable system of examinations for people who had been studying 15-20 years in madrassas. These issues should have been the duty of the ‘*scientific board*’ (*heyete gyylmiya*). Passing an hour-long exam in the Spiritual Assembly was the only requirement to get the Decree and fill the post. R.Fakhretdin told of the need to achieve the standards of a cultural nation [9: 59-56].

Riza Fakhretdin presented a detailed reform project for OMSA [9: 63-74]. In the introduction, he pointed out that: 1) the religious affairs of the Russian Muslims were the responsibility of their spiritual board. In the note he said that religious affairs included all the duties of the clergy in the mosques and madrassas, the control over mektebs and religious schools, shakirds, muallims, mudarris and inspectors (*nazir*) and domestic proceedings reviewed in the religious courts: marriage, divorce, alimony, legacy and others. R.Fakhretdin determined the membership of the clergy: 2) a muezzin, a muallim, a khatib, an akhun, a mudarris, a qadi, a naib (deputy) and a mufti. If they were in the service, the lower clergy were: a muezzin, a muallim and an imam; the middle-level clergy included: a khatib, an akhun, a mudarris; the upper clergy consisted of: a qadi (*kazy*), a naib (‘*deputy mufti*’), a mufti and the mudarris of higher madrassa. If they were not in the service, the scholars who passed all the examinations for the course of madrassas became the middle-level clergy; those who passed all the exams on the courses of higher madrassas became the upper clergy. R.Fakhretdin divided educational institutions into three levels: 3) primary, secondary and higher. The primary level was represented by mektebs, the secondary level included madrassas, and the higher level was represented by higher madrassas. Religious boards were also divided into three levels: 4) an upper board, middle board, and local board (board of mahallahs). The upper board was the only one located in Ufa and called “Mahkamah Islamia”. The term “*Mahkamah Islamia*” (literally – ‘*Islamic*

court', see Tatar name of OMSA “Mahkamah shargiya”) stands for the Spiritual Assembly itself. The middle-level board consisted of akhuns in each akhun district; the local board included departments of the boards of khatibs (hokem bulmelere) in each mahallah. At the same time, R.Fakhretdin emphasised that 5) The Kyrgyz, who used to be Russian nationals were also involved in the conduct of the Ufa assembly, as well as the Muslims who were involved at that moment. There were 6) the cases concerning the board of the assembly: 1) issues of education, and 2) other religious matters. Thus, the release of the project would have led to the existence of two vertical power structures, each of three levels: religious and educational.

At the lower level (see chap.2 para. 9), local boards considered the issues of marriage and divorce, and in general, legacies, wills, kinship, guardianship and religious issues related to cemeteries, reciprocal claims between two parties who applied to the court on their own initiative; it monitored the metrics and performed religious worship, ceremonies and spiritual needs. The mid-level board (akhun district) (see chap. 3) was rather an intermedium which supported the possibility of interaction between the Assembly and thousands of mahallahs. The fourth chapter, entitled *Mahkamah Islamia*, indicates that it controlled waqfs (p. 37). Paragraph 14 states that the Assembly was considered to be the authority of the same level as the provincial board, so it formed relations in provincial boards, reported to the Ministry of Internal Affairs, and the chancellery. Paragraph 16 determines the powers of the mufti, which described him as the President of the Assembly, the religious leader of Muslims and their governmental representative, who delivered the religious and national needs of Muslims to the Ministers, the Council of Ministers, the National Council, and even personally to the Emperor.

The Assembly combined the powers of the two branches of government: the judiciary and the executive. Paragraph 7 in chapter 1 indicates that the Assembly supervised matters of family law. At the same time (see chap. 4, para. 23), the party that was dissatisfied by the decision of the Assembly might file a petition to the Senate through the Assembly within two months. Paragraph 24 states that the Assembly submitted to the Ministry of Internal Affairs in the matters beyond juridical ones and sent all reports directly to the Ministry.

Further, the fourth chapter determines the powers of the Assembly:

31) the Assembly chose (religious) teachers for Muslim children studying in public schools by;

32) the Assembly helped schools and monitored programs;

33) it appointed scholars to religion posts, punished them or granted forgiveness or leniency if there was a necessity;

34) it assisted in the restoration of old mosques and the construction of new ones;

35) it educated orphans who did not have guardians, and protected women and widows against poverty;

36) the Assembly controlled *alms* ('charity'), *ushr* ('tithes'), *zakat* ('2.5% obligatory annual tax as aid to the poor') and *fitr* ('a type of alms');

37) it supervised the beautiful and correct printing of the Quran, its parts, hadiths, tafsirs, and religious books in general;

38) it controlled waqfs;

39) the Assembly annually distributed registers according to the number of mahallahs. It collected books and preserved them in the archives;

40) if needed, the Assembly checked affairs with the help of the regional board or police;

41) the Assembly had notebooks which contained the lists of all schools, teachers and mosques;

42) after the expiry period of the admission of appeals, the Assembly conveyed its decisions to the police, who brought them to action;

43) examination boards were formed in big cities while the methods of examination in madrassa were not stable; he who had learned the course of mekteb became an imam, he who had learned the course of madrassa was allowed to become a khatib, he who had learned the course of higher madrassa could get the post of mudarris.

44) the Assembly published statements for announcing its decisions;

45) it published the book *Sharia-qanun* ('Laws of Sharia'), which compiled all the decisions. This was the guidance for all clergymen.

Thus, the powers of the Assembly were to include the religious powers of OMSA: the appointment of the clergy and the construction and renovation of mosques. At the same time, R.Fakhretdin added the control over the waqfs, religious literature and publication of laws and regulations. In the sphere of education, it took control over the system of private religious education and the appointment of religious teachers in public schools. Lists of schools and teachers were included in the range of documents along with the available registers, lists of mosques and the clergy. The powers of the As-

sembly applied to social services, including the support of orphans and widows. The decisions of the Assembly in the administrative and judicial spheres would have been implemented with the help of the provincial or regional board, or the police.

The fifth chapter analyses the appointment of clergymen. At the same time, according to paragraph 46, scholars were not appointed temporarily to the posts of spiritual presenters and religious service but for life. The elections of the mufti were the climax (para. 53): the three candidates with the most votes were defined and represented to the Ministry of Internal Affairs on behalf of the mufti and then to the Emperor. One of the represented was approved. The list of Electors (para. 55): 1) the mudarrises of higher madrassas, 2) the akhuns of cities, 3) the military or civilian officials of the 7th class or higher, 4) noble leaders on service, 5) honourable squires, 6) attorneys, 7) district captains, 8) chairpersons and members of the country councils, counties and districts, 9) councillors of territorial assemblies, districts and counties, 10) chairmen, honourable members of all Islamic charities, 11) people who donated not less than 3,000 rubles to one of the charities at a time, 12) people who bequeathed property worth 3,000 rubles to a waqf of madrassa, 13) people who organised shelters at their own expense and educated at least 10 orphans, 14) members of city councils, 15) one of the members of the village mutawalliat.

The seventh chapter is devoted to places of worship, prayer houses and mosques. Paragraph 63 states that preaching houses were rooms which were organised in the places where there was no official mahallah; they were for collective prayer, under the auspices of the Assembly. The Assembly helped those who applied there with an application or licence so that there was no objection on the part of the local police. In paragraph 66, the mosque is defined as an eternal waqf in favour of Muslims under the state aegis. In all respects, it had the property priorities of waqfs, the right of inalienable property (*amlyak*), bills of sale were free from taxes and all dues to the treasury. Thus, the mosque was given the rights of a legal entity and became a sole and absolute owner; this right was non-existent in the Russian legislation. To manage the affairs of the parish, the members of each mahallah ... had to elect mutawallies. The Committee of mutawallies was called the mutawalliat. The verdict of mahallah was assured by the akhun, and then he sent a list of mutawallies to the Assembly to Ufa (para. 67). It should be noted that at that

time Russian legislation renounced the presence of waqfs and mutawalliat in the OMSA district. R.Fakhretdin defined the responsibilities of mutawalliat, which were: the management of mosques, the waqfs of mosques, the income and expenses of mektebs and madrassas and the sanitary and hygienic state of mektebs and madrassas. The mutawalliat submitted an annual report on income and expenses to the Assembly. Each mutawalli was meritorious for fair, honest and diligent service (para. 68). The presence of waqf property freed the mahallah from a dependence on landowners – the rich and the wealthiest members of the community.

The eighth chapter is dedicated to the members, the clergy and the duties of mahallahs. According to paragraph 34, the Assembly was in charge of issuing permits for the restoration of old mosques, the construction of new ones and the organisation of new mahallahs (see para. 69). The duties of the mutawalliat included the management of the income and expenses of mosques (para. 70). The mahallah should be financially secure (para. 71): a mosque, a mekteb at the mosque, a nice dwelling house for the local clergy and the financial support of the local clergy. If all those terms were achieved at the expense of the waqf and all the expenses were the responsibility of the community, only then would the Assembly help the new mahallah. However, the exceptions to this were the Kyrgyz, because they were nomads, and the Siberian Muslims, because of their scattered residence. Paragraph 72 says that each mahallah certainly had the right to elect an imam and a mu-ezzin, however, if there was no waqf house, it could not have the right to elect a khatib. Thus, it was a waqf house that was the physical control centre for the mahallah. According to paragraph 73 the local clergy were responsible for the discharge of all the duties of their mahallahs, except those assigned to akhuns.

The ninth chapter is devoted to the status of waqfs. Paragraph 75 gives the following definition: the Assembly controlled the waqfs which were appointed for the maintenance of mektebs and madrassas, the spread of good morals among the people and assistance to mosques, the clergy, orphans and shakirds. Waqfs are properties such as land, water, a house, and money on the right of ownership. This was a donation which a Muslim left in the name of Allah or in a will. R.Fakhretdin stood for stable control over waqfs from muftiat (para. 76), he said that the Assembly recorded all the waqfs belonging to it in a special notebook. It kept

bills of sale and acts in a safe place in fireproof cabinets. It closely monitored the safety of waqfs, controlled the comprehensive and constant fulfillment of waqf terms, annually received reports from mutawallis and annually reported to the Ministry of Internal Affairs. It also ensured that waqfs, which would be defined henceforth, would be within the law and officially and legally registered. The Assembly carefully fixed the income and expenses of waqfs, the expenditure of waqf keepers and the terms of the lease and leaser if there was leased property (para. 77).

The mechanism of elimination of waqfs is described in paragraph 77: if waqf terms ceased, and the places for which a waqf was appointed stopped existing, or if there were no reasons to invest, the Assembly sold them at auction, and the raised money was put into the treasury of waqfs. Thus, the Assembly got an independent source of income by means of the treasury of waqfs (*waqf hezinese*). Paragraph 78 determines the mechanism of resolution of disputable points: all suits concerning waqf property were considered in civil courts, and encroaching on waqf property was considered equal to encroaching on state property. Waqf property was free from all types of taxes, and bills of sale were free from all duties. R.Fakhretdin showed here a deep understanding and respect for the Russian judicial system which was formed as a result of the reform of 1864.

The authorities of the local mutawalliat are interpreted in paragraph 79. It says that if a waqif (a testator of waqf) did not appoint a mutawalli himself, then the mutawalliat of mahallah managed waqf property and maintained, registered and calculated the income and expenses. The mutawalliat thereby turned into a stable legal structure.

The most holistic project of secular leaders was the project affecting the level of OMSA by Yu.Akchura, a prominent ideologist and leader of Turkism and a member of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party in 1906 [9: 44-49]. According to him, the clergy (*ruhanilar*) could be divided into two groups: a) the upper clergy: a mufti, an akhun, a muhtasib and a mudarris; b) the parish (*mahallah*) clergy: an imam-khatib, an imam-mudarris and a muezzin (para. 5). Here we use the term "clergy", but unlike "appointed mullahs", these people did not have to receive approval from the administration at the local level. Yu.Akchura proposed two levels of public elections of the mufti. At the second stage electors would be elected from about 50 parishes. The congress would choose three candidates with the final decision being at the dis-

cretion of the emperor. Yu.Akchura offered to divide clerics into three groups according to their functionality: akhuns, muhtasibs and mudarrises would have rights and responsibilities by law. Akhuns would manage and monitor the issues of justice within mahallahs, muhtasibs would work with financial and organizational issue and mudarrises would control the issues of education. Each one of them would be the head of the local clergy in the aforesaid matters (para. 12). The Spiritual Assembly itself (SA) would consist of a mufti and six qadis and would be divided into three boards: 1) the legal department (*gadelia*) would consist of akhuns; 2) the management department would consist of muhtasibs; 3) the department of education would comprise mudarrises (para. 17). Thus, we can actually see here the principles which were put down on the basis of the creation of Idare Milli (National Board) in 1917. There the bases of three boards (*nazarats*) occurred within OMSA: spiritual (*diniya*), financial (*malia*) and educational (*mägarif*). The Spiritual board included six qadis: two akhuns, two muhtasibs and two mudarrises. According to the decision of the mufti, one of the six would be the senior qadi, the deputy mufti (para. 15). In 1917 R.Fakhretdin took the latter post, although he did not come to Ufa and begin his work immediately. It is important to notice, that in 1917 Milli Idare consisted of the chairman and the members of those three boards. At the same time, each of the boards consisted of the chairman and six members [12: 334-335]. Yu.Akchura also proposed to establish the "Council of Ulemas", which was implemented in 1923.

Yu.Akchura's project was signed by prospective participants of the 1st All-Russian Congress of Muslims in Nizhny Novgorod. There were future members of the 1st State Duma among them: A.Akhtyamov, M.-Z.Ramiev (Derdmend) and S.-G.Alkin. After the end of the meeting, a committee was established to refine the petition. It included mirza and colonel K.-M.Tevkelev, qadi R.Fakhretdin, a member of the Ufa provincial board S.-G.Dzhanturyin, members of district courts Dzh.Saydalin and G.Timurov, lawyers A.Akhtyamov and S.-G.Galkin (the members of the 1st State Duma and the members of the Central Committee "Ittifaq"), the imam of Apanay and the owner of gold mines M.-Z.Ramiev (Derdmend) and industrialists I.Akchurin and Yu.Deberdeev. The petition, with an accompanying letter by the mufti, was sent to the Ministry of Internal Affairs on May 12, 1905. [9: 44-49].

The final version of the project of OMSA also provided a three-level system of administration:

1. The “Parochial” Spiritual Board headed by the senior imam in the parish. The boards of parish imams should provide monopoly control over the social life of mahallahs. Imams would be elected by the entire population of the parish (para. 3);

2. The Vilayat Majlise – a district board of akhuns, which would include about 100 parishes. It consisted of three members: a *qadi* (‘*chairman*’) and two members of khatibs and mudarrises (para. 7);

3. The Spiritual Assembly – the Central Board (Merkez idare) consisting of a mufti and six qadis (para. 51).

The congress of OMSA district would hold the elections of three candidates, one of which would be appointed as a mufti by the emperor (para. 50) [9: 112-116].

The decisions of “Golyama Zhemgyyate” were publicly announced on June 22-25, 1905, when Ufa held the meeting of proxy Bashkir districts of the Ufa Governorate to discuss matters relating to the Muslim religion. It included a three-tier system of administration:

1. The “Parochial” Spiritual Board headed by the senior imam in the parish. The boards of parish imams should provide monopoly control over the social life of mahallahs. Imams would be elected by the entire population of the parish (para. 44);

2. An essential requirement of the program was the creation of middle management at the district level, the board of district akhuns, which would perform the role of governorate and district majlises of the clergy, as it was in the Transcaucasia. They were equated to the district institutes in the sphere of spirituality and religion, spirituality and education, and morality and education. There was a principle of strict distribution of powers: the district akhuns were obliged not to lay upon the civil authorities any assignments within the responsibilities of the district authorities, and could not interfere in their responsibilities and regulations. In these district institutions, record management was expected to be in the Tatar language. Boards of district akhuns had the right to convene parish or rural communities for discussion and all the business of the parish, and it also had the right to pass sentence (para. 32). Akhuns were to be elected by the district clergy;

3. Mufti was assumed to be the highest spiritual rank elected by the Muslim population of OMSA district. He received the rank of the sole head of the millet with the right to report to the emperor (para. 47).

The highest body of the millet was the Congress of the middle and the upper clergy, which was held once every three years to consider and

discuss fundamental life issues and to find solutions to them within the rules of Sharia (para. 49) [13: 1-12].

Since the idea of religious autonomy was close and understandable for the majority of the Tatar population, all of those projects involved the creation of an autonomous millet based on the Ottoman model, which controlled not only the issues of religion, but also the issues relating to education and waqf property. It was a three-level system of control. With the development of the revolution in the summer of 1905 it was supposed to create a quasi-parliament of autonomy represented by a regular congress of the clergy. It continued the idea of the 1860s concerning the convening of a congress for the election of the mufti. At the same time, we can note a regular character of congresses and the process of solving current key problems. The congresses were specifically corporative in nature, turning into types of assemblies of orthodox bishops. Thus, the members of OMSA, imams and ulemas, the representatives of intellectuals, the bourgeoisie and mirzas unanimously developed plans for a unified religious autonomy of Russian Muslims, which expressed the aspirations of the entire Russian ummah.

The 3rd All-Russian Congress of Muslims was held on August 16-21, 1906, in Nizhny Novgorod. Its protocols and resolutions were collected by M.Beeghi in 1906. The Congress was the peak of the Muslim political movement during the first Russian revolution. The resolutions of the Congress and the program of the “Ittifaq” party showed that the congress delegates called for the transformation of Russia into a constitutional monarchy, where sovereignty belonged to the Parliament elected by the citizens. Three types of autonomy were proposed: religious, national and cultural and territorial. The first was supported. The Theological Commission of the Congress was headed by G.Barudi. According to the program of administrative reform of spiritual things in Russia, five Mahkamah Islamia (Muslim Assemblies) were established, including Orenburg, Tauric, Turkestan and two in the Caucasus. They received all the religious affairs of Muslims, including the control of madrassas, mosques and waqfs, the approval of clergymen and legal proceedings on the issues of nikah, talaq and miras. The middle level had to be governorate and district majlises of the clergy. Rais-ul-Ulama was elected as the head of the Russian Muslims, who had the rank of imperial minister and the right to report personally to the emperor. All the clergy were elected only by Muslims. I.Gasprinsky urged that autonomy

would be headed by G.Barudi and Yu.Akchura. Thus, an ulem should become a mufti, and a lawyer would be his assistant. G.Barudi said that the real power would be in the hands of a single leader, because five muftis formed a single centre. The election of the clergy consisted of three elements: the votes of the parish and the examination and approval of the Spiritual Assembly. G.Iskhaki advocated the election of the Imam only by means of the parish, and the direct election of the rais, muftis and qadis by the people. In general, in 1905-1906, we can see the most detailed OMSA reform plans on the part of Muslims [14: 3-129].

However, the royal government did not lead a significant reform of the Spiritual boards of Muslims until the February Revolution of 1917 (some changes took place in respect of the Muslims of the Crimea). D.Yu.Arapov rightly considered that although the materials of the Special Assembly of 1906 concerning faith did not have formal legal consequences, they had a considerable cognitive value. The materials clarified that royal officials did not even intend to conduct any dialogue with Muslims. The basic meaning of the wishes expressed by leading administrators of the empire was aimed not at the desire to unite everything, but to decentralize the existing Muslim Spiritual Boards, to try to split them into smaller and weaker parts, preserving hard governmental control both over them and the system of Islamic education. So, the aspirations of the Muslim community and those of the royal administration moved in the opposite and antagonistic directions [15: 254-297]. The authorities feared that the unified Russian ummah could become a very influential actor (player) in the imperial arena. Keeping imperial Muslim institutions and communities at the local level (the number of which was constantly growing), the authorities sought to prevent the establishment of Islamic institutions (especially Spiritual Assemblies) at the national level.

Musa Beeghi's *Islahat Esaslary*, on the contrary, shows that the Russian Muslim community sought to empower Spiritual Assemblies (boards) in the legal space of the Russian Empire during the Russian revolution of 1905-1907. Moreover, the participation of the Russian Muslims in the liberal socio-political movement indicates that they considered the establishment of a legal state in Russia as a prerequisite for obtaining religious autonomy. For almost the entire first quarter of the 20th century, Rizaetdin Fakhretdin developed projects of religious autonomy, which would cover the whole chain of the religious system.

Islahat Esaslary by Musa Beeghi requires scientific translation and publication with a relevant critical apparatus. It has been a century since the book was created, and it still remains the most representative published work on the history of the social and political movement of the Russian Muslim Tatars during the period of the revolution in 1905-1907.

References

1. *Gormez M.* Musa Carullah Bigiyef. Ankara, 1992. 228 s. (in Turkish)
2. *Yuzeev A.N.* Prosvetitel'skaya mysl' tatarskogo naroda. Kazan' Tatknigoizdat, 2014. 415 s. (in Russian)
3. *Khayrutdinov A.* Posledniy tatarskiy bogoslov (Zhizn' i nasledie Musy Dzharrullakha Bigieva). Kazan', 1999. 127 c. (in Russian)
4. *Islam na Evropeyskom Vostoke.* Entsiklopedicheskiy slovar'. Kazan': Magarif, 2004. 383 s. (in Russian)
5. *Gimadeev I.F.* Diskussiya o sufizme v tatarskom obshchestve nachala KhKh veka: vzglyad Musy Bigieva// Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. 2010. № 2 (20). S. 51-54 (in Russian)
6. *Khabutdinov A.* Vse deti Adama ravny mezhdub soboy. Musa Bigi (1875-1949) // Lidery natsii. Kazan': Tatknigoizdat, 2003. 159 s. (in Russian)
7. *Mukhetdinov D., Khabutdinov A.* Istoriya Dukhovnykh upravleniy musul'man Rossii v XVIII-XXI vekakh. Nizhniy Novgorod: NNGU, 2012. 260 s. (in Russian)
8. *Topchibashev G.M.* Rusiya moselmanlary ittifaqynyn programmasy. SPb., 1906. 16 s. (in Tatar)
9. *Bigi M.* Islakhat asalary. Pg., 1917. 530 s. (in Tatar)
10. *Khabutdinov A.Yu.* Istoriya Orenburgskogo Magometanskogo Dukhovnogo Sobraniya (1788-1917): instituty, lyudi, idei. M.–Nizhniy Novgorod: ID Medina, 2010. 208 s. (in Russian)
11. *Islam v Rossiyskoy imperii (Zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika)*// sost. Arapov D.Yu. M.: IKTs "Akademkniga", 2001. 367 s. (in Russian)
12. *Ayda A. Sadri Maksudi Arsal.* M.: [B.i.], 1996. 359 s. (in Russian)
13. *Protokol Ufimskogo gubernskogo soveshchaniya obrazovannogo s razresheniya Gospodina Ministra Vnutrennikh Del iz doverennykh bashkirskikh volostey Ufimskoy gubernii.* Ufa, 1905. 12 s. (in Russian)
14. *1906 sänä 16-21 avgustta ižtimag itmesh Rusiya Möselmanlarynyj nädväse.* Kazan', 1906. 172 s. (in Tatar)
15. *Arapov D.Yu.* Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiyskoy imperii (poslednyaya tret' 18I – nachalo 20 vv.). M.: MGU, 2005. 357 s. (in Russian)

МУСА БИГИ КАК ИСТОРИК ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН

Дамир Ваисович Мухетдинов,

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова,
Россия, 119991, г.Москва, Ленинские горы, д.1,
ildar-nn@ya.ru.

Айдар Юрьевич Хабутдинов,

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
Россия, 420088, г.Казань, ул.2-я Азинская, д.7а,
aihabutdinov@mail.ru.

Ильшат Фердинантович Гимадеев,

Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г.Казань, ул.Кремлевская, д.18,
IFGimadeev@kpfu.ru.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что на современном этапе общественное движение мусульман в России и в мире приобретает все более активный и массовый характер. Статья направлена на то, чтобы показать, как общественное движение российских мусульман в период революции 1905-1907 гг. совмещало лозунги за религиозную автономию и трансформацию России в правовое государство. В качестве ведущего подхода к исследованию данной проблемы используется теория капиталов Пьера Бурдьё, так как, создавая религиозную автономию, наряду с религиозным капиталом, духовенство стремилось приобрести культурный, социальный и символический капитал. Мы приходим к выводу, что в «Исляхат эсаслары» («Основы реформ») Муса Биги концентрирует внимание на стремлении российской мусульманской элиты, прежде всего татарской элиты, использовать общественное движение и проекты реформ периода российской революции 1905-1907 гг. для создания стабильных структур религиозной автономии. В центре труда Мусы Биги – проекты Ризаэтдина Фахретдина, который сыграл ключевую роль в религиозных структурах мусульман Волго-Уральского региона, начиная с первых лет прошлого века и до своей смерти в 1936 году.

Ключевые слова: Муса Биги, Ислам, Ризаэтдин Фахретдин, российская революция 1905-1907 гг., Оренбургское магометанское духовное собрание.

Муса Биги создал целый ряд богословских трудов, открывших новые горизонты мусульманской теологии. Основными специалистами по его богословскому наследию являются профессор Мехмет Гёрмез (ныне Председатель Управления по делам религии Турции) [1], профессор А.Н.Юзеев [2: 344-384], А.Хайрутдинов [3].

По своей природе М.Биги был реформатором. Он совмещал активную научную деятельность с общественной. В 1905-1906 гг. М.Биги участвовал в работе трех Всероссийских мусульманских съездов, был членом секретариата III Всероссийского мусульманского съезда, членом комиссии съезда по обсуждению программы партии «Иттифак-аль-Муслимин», членом ЦК «Иттифака».

Историческая заслуга М.Биги состоит в том, что в книге «Исляхат эсаслары» («Основы

реформ») ученому удалось воссоздать наиболее полную и объективную картину общественного движения мусульман России в начале века [6: 71-75; 7: 52-63]. Исследователи, высоко оценивая книгу, ставят ее в один ряд с «Мустафад аль-ахбар» («Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара») Шигабутдина Марджани. М.Биги систематизировал в ней круг источников по истории общественно-политического движения мусульман России начала XX в. Уникальность сборника «Исляхат эсаслары» («Основы реформ») состоит в том, что в нем содержатся подробные комментарии составителя – непосредственного участника этих событий [4: 143-144; 5: 51-54]. Книга была подготовлена к печати в 1915 г., однако из-за цензуры увидела свет лишь в 1917 г. К сожалению, до сих пор это уникальное издание не переведено на кириллицу и не переиздано, поэтому не

стало достоянием широкого круга читателей. В библиотеках Казани нет ни одного экземпляра этого издания.

Костяк книги составляют три группы источников: рассказ об истоках общественного движения российских мусульман в период революции 1905-1907 гг. (поездки Рашид-казыя Ибрагима и созыв I и II Всероссийского мусульманского съездов в 1905-1906 гг.), систематизированная информация о деятельности «Голяма жәмгыяте» («Общество духовенства») при Оренбургском магометанском духовном собрании (ОМДС) в апреле 1905 г., документы, связанные с реформой Духовных управлений мусульман.

Исследователи, изучающие общественное движение татар, часто приводят в своих работах фрагменты из «Исляхат эсаслары». Однако ни в одной из работ данный источник не проанализирован целиком. М.Биги стремится познакомить читателей с концепцией создания автономии мусульман Волго-Уральского региона. Из Протоколов III Всероссийского мусульманского съезда (1906 г.), которые впервые были опубликованы ученым, мы можем узнать о содержании проектов создания религиозной автономии, ее возможной трансформации в общероссийскую. Внимание М.Биги приковано к деятельности Ризаэтдина Фахретдина¹, который сыграл огромную роль в разработке целого ряда проектов реформ Духовных управлений, начиная с периода революции 1905-1907 гг.

Кратко описывая поездку Габдерашида Ибрагима по городам Волго-Камья (Казань, Чистополь, Пермь, Уфа, Троицк), исследователь приводит факты, которые свидетельствуют о роли этого общественного деятеля в консолидации мусульман Урало-Поволжья [5: 108-110]. Стремясь преодолеть дух разрозненности, царящий в татарском обществе, он приступает к переговорам с теми, в ком угадал потенциал будущих лидеров нации (купец-миллионер Вали Яушев, братья Буби, миллионер-меценат Шайхулла Шафигуллин, бай Шакир Хальфин, казанский мулла Зариф Амирхан, драматург Галиаскар Камал). В январе 1905 г. Г.Ибрагим обсудил с Ю.Акчурой вопросы, касающиеся объединения мусульман Казани и Крыма. Ю.Аккура направил письма И.Гаспринскому и лидеру азербайджанских либералов А.

М.Топчибашеву. М.Биги уверен, что благодаря усилиям Г.Ибрагима из разных уголков России в столицу начали поступать прошения о даровании мусульманам политических и гражданских прав от представителей поволжских и крымских татар и азербайджанских либералов. [9: 3-6]. Рашид-казый стремился созвать съезд мусульман. Благодаря координационной деятельности Р.Ибрагима, Ю.Акчуры, И.Гаспринского, А.-М.Топчибашева уже в августе 1905 г. на Макарьевской ярмарке в Нижнем Новгороде состоялся I Всероссийский мусульманский съезд.

Вторую группу источников в сборнике М.Биги «Исляхат эсаслары» («Основы реформ») составляют документы, связанные с совещанием «Голяма жәмгыяте» («Общество духовенства») при Оренбургском магометанском духовном собрании (ОМДС) в апреле 1905 г. в Уфе под председательством муфтия М.Султанова (1885-1915). Данное мероприятие, состоявшееся по указанию Председателя Кабинета Министров Сергея Юльевича Витте, состоялось в рамках работы по формированию официального доклада по проблеме мусульманской общины [10: 154-159]. В совещании приняли участие улемы (мусульманские ученые) Казани (Г.Баруди, Г.Апанай), Троицка (ахун А.Рахманкулов), Самары (ахун Ш.Минушев), Нижнего Новгорода (Х.Сулейманов), аула Иж-Буби Вятской губернии (Габ.Буби), Семипалатинска (Г.Гиматдинов), Петропавловска (Г.Яушев), Саратова (ахун М.Енгальчев), Оренбурга (Г.Давлетшин, М.Хусаинов), Уральска (ахун М.Тухфатуллин), аула Султанай Пермской губернии (ахун М.Мансуров), аула Кульбаш Казанской губернии и уезда (ахун С.Максютов), Перми (Х.Хасанкаев), Касимова (ахун М.Давлекамов), Симбирска (ахун М.Гаффаров), аула Манчыл Тюменской губернии (ахун М.-Ю.Сагит), Уфы (М.-С.Хасани, ахун Х.Усманов), Каргалы (М.Усманов и Х.Усманов), Белебея (ахун Д.Хурамшин), Паты (Ш.б.Хабибулла), Москвы (ахун Х.Агаев), Томска (ахун Х.Хамидов), Ханской Орды (ахун Г.Гайсин), Верхнеуральска (С.Музафаров, ахун М.Билялов), аула Чыршы Казанской губернии (Г.Забиров), Миасского завода (С.Баширов), аула Бузовьяз Уфимской губернии (Г.Хурамшин), аула Нократ (ахун Г.Касимов), аула Пошатово Нижегородской губернии (ахун Хус.Соколов), Астрахани (ахун М.Салихов), Санкт-Петербурга (ахун Г.Баязитов), Агрыза Вятской губернии (ахун А.Суондуков), Чишме Уфимской губернии (Г.Муха-

¹ Р.Фахретдин с 1918 г. занимал пост зампредела Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ), с 1921 г. – и.о. председателя ЦДУМ. В 1923 г. его избрали председателем ЦДУМ.

меджанов) и Стерлибаша Уфимской губернии (М.-Ш.Тукаев). В число участников данного мероприятия входили такие будущие лидеры общественного движения, как члены ЦК «Иттифака»: Г.Баруди, Г.Апанай, Г.Буби, ахун Уфы Х.Усманов; депутаты I Гос. Думы: ахун Белебея Д.Хурамшин и ахун аула Кульбаш Казанской губернии и уезда С.Максютов; депутаты II Гос. Думы: ахун Каргалы Х.Усманов и уфимский имам и мударрис М.-С.Хасани; депутат II-III Гос. Дум мударрис медресе Стерлибаш М.-Ш.Тукаев, ахун Петербурга Г.Баязитов, ахун Москвы Х.Агаев. Таким образом, улемы представляли огромное пространство империи от Петербурга до Томска и от Астрахани до Перми.

Судя по документам, муфтий ОМДС М.Султанов в своем выступлении призвал в вопросах реформирования ОМДС руководствоваться высочайше утвержденным положением об управлении Закавказского мусульманского духовенства 5 апреля 1872 г., которое входило в состав Свода законов Российской империи, и томом 11-м (Ч.1) в лице «Свода учреждений и уставов Управления Духовных Дел иностранных исповеданий Христианских и иноверных (Издание 1896 г.) [11: 190-254]. М.Султанов предложил собравшимся обсудить раздел третий «О управлении Закавказского Мусульманского духовенства шиитского и суннитского вероисповеданий», входящий в книгу шестую «О управлении духовных дел магометан». Причем муфтий ОМДС рекомендовал при этом руководствоваться статьями 1558-1672, образующими главу вторую «О управлении Закавказского Мусульманского духовенства Суннитского учения» [9: 16-17]. Для лучшего понимания проблемы данная глава была целиком напечатана на татарском языке в «Исляхат эаслары» [9: 39-41].

Казый ОМДС Р.Фахретдин, основной докладчик, предложил собравшимся обсудить проект создания миллета по оттоманскому образцу. В качестве консолидирующей силы он рекомендовал создать пост Шейх уль-Ислама, как единого лидера российских мусульман, избираемого ими самими, в ранге имперского министра. Единый религиозный орган российской уммы – Собрание (Управление) во главе с Шейх уль-Исламом, состоящее из казыев-улемов, должен был располагаться в столице. Представители всех мазхабов должны быть стать консультантами Управления Духовных Дел иностранных исповеданий. На местном

уровне предлагалось создать губернские правления по образцу Закавказья. Именно в Закавказье по Положению 1872 г. сложилась достаточно стройная трехуровневая система управления:

1) низшая – в лице приходского духовенства;

2) средняя – в лице губернских меджлисов в лице казья (кади) как председателя и двух членов;

3) высшая – в лице Духовного правления в лице муфтия и трех членов [11: 235-244].

Будучи сторонником превращения Духовного собрания в лице муфтия и казыев в центр власти, Р.Фахретдин выступил против наделения властными полномочиями губернских меджлисов, возглавляемых в ОМДС ахунами по примеру Закавказья. Муфтий, обладающий как религиозным, так и светским знанием, должен был взять на себя функции посредника между миллетом и правителем (хөкемдар) с правительством. Кандидат на должность муфтия, по Р.Фахретдину, обязан был ориентироваться в вопросах просвещения (мәғариф) и права (хокук), быть знакомым с русскими стандартами. Лица, претендующие на должность казья, должны были владеть русским языком. Р.Фахретдин выступает за создание стабильной системы экзаменов для лиц, которые 15-20 лет учились в медресе. Этими вопросами должна была заниматься «научная коллегия» (һәйәте гыйльмия). Для получения Указа и занятия должности пока необходимо сдать всего лишь часовой экзамен в Духовном собрании. Р.Фахретдин говорит о необходимости достижения стандартов культурной нации [9: 59-56].

Риза Фахретдин представил детальный проект реформы ОМДС [9: 63-74]. Во введении он указывает, что «1) Религиозные дела российских мусульман находятся в ведении их духовного управления». В примечании он отмечает, что религиозные дела включают в себя «все обязанности духовенства в мечетях и медресе, контроль за мектебами и медресе, шакирдами, муаллимами, мударрисами, инспекторами (назир), рассматриваемые в религиозных судах семейные вопросы: бракосочетание, развод, алименты, наследство и другое». Р.Фахретдин определяет состав духовенства: «2) муэдзин, муаллим, хатиб, ахунд, мударрис, кади, наиб (заместитель), муфтий. Если они состоят на службе, то низшее духовенство: муэдзин, муаллим, имам; среднее духовенство: хатиб, ахунд, мударрис; высшее духовенство: кади (казый),

наиб (заместитель муфтия), муфтий, мударрис высшего медресе. Если они не состоят на службе, то ученые, сдавшие все экзамены за курс медресе – среднее духовенство; сдавшие все экзамены по курсам высшего медресе – высшее духовенство». Учебные заведения Р.Фахретдин делит на три уровня: «3) начальные, средние, высшие. Начальный уровень – мектеб, средний уровень – медресе, высший уровень – высшее медресе». Религиозные управления также делятся на три уровня: «4) высшее управление, среднее управление, местное управление (управление махали). Высшее управление одно, находится в Уфе, называется «Махкама-и исламия». Сам термин «Махкама-и исламия» (буквально «Исламский суд», см. татароязычное название ОМДС «Махкама-и шаргыя») реально обозначает само Духовное Собрание. Средний уровень управлений состоит из ахундов в каждом ахундстве; местные управления – отделения управления хатибов (хөкем бүлемнәре) в каждой махалле». При этом Р.Фахретдин особо выделяет, что «5) киргизы² – подданные России также относятся к ведению Уфимского собрания, как и те мусульмане, которые относятся сейчас». Указываются «6) дела, касающиеся правления собрания: 1) вопросы образования, 2) другие, религиозные дела». Таким образом, реализация данного проекта должна была привести к существованию двух трехуровневых вертикалей власти: чисто религиозной и образовательной.

На низшем уровне (см. глава 2 п. 9): «местные управления рассматривают вопросы бракосочетания и разводов, в общем, наследства, завещаний, родства, опекуна, религиозные вопросы, связанные с кладбищами, взаимные претензии двух сторон, по своей воле обратившихся в суд, следит за метриками, исполняет религиозное поклонение, религиозные церемонии, духовные нужды». Среднее управление (ахунство) (см. глава 3) «скорее является передаточным звеном, обеспечивающим возможность взаимодействия Собрания и тысяч махаллей». В четвертой главе под названием «Махкама-и исламия» указывается, что оно управляет вакфами (п. 37). В п. 14 указывается, что «Собрание считается инстанцией одного уровня с губернскими правлениями, поэтому оно составляет отношения в губернское правление, донесения в министерство внутренних дел, канцелярию». В п. 16 определяются пол-

номочия муфтия – «председатель Собрания, религиозный руководитель мусульман, их представитель перед правительством, доводящий религиозные, национальные нужды мусульман до министров, совета министров, Государственного совета, даже лично до самого императора».

Собрание сочетает в себе полномочия двух ветвей власти: судебной и исполнительной. В главе 1, п. 7 указывается, что Собрание контролирует вопросы семейного права. При этом (гл. 4, п. 23) «сторона, неудовлетворенная решением Собрания, может в течение двух месяцев подать через Собрание прошение в Сенат». В п. 24 указывается, что в «вопросах помимо судебных Собрание подчиняется Министерству внутренних дел, все отчеты направляет прямо в министерство».

Далее в главе четвертой определяются полномочия Собрания:

31) для детей-мусульман, обучающихся в государственных школах, (веро)учителей определяет Собрание;

32) собрание помогает школам, следит за программами;

33) назначает ученых на должности духовные, при необходимости наказывает, при необходимости дает прощение, снисхождение;

34) помогает восстановлению старых мечетей, строительству новых;

35) обучение детей-сирот, оставшихся без опекунов, защита от нужды женщин, вдов;

36) пожертвования (милостыня), ушр (десятина), закят (обязательный годовой налог в пользу бедных размером в 2,5%), фитр (вид милостыни);

37) обращает внимание на красивое и правильное издание Корана, его частей, хадисов, тафсиров, вообще религиозных книг.

38) контролирует вакфы;

39) ежегодно распространяет метрические книги, по числу махаллей. Собирает и хранит в архиве;

40) при необходимости свои дела проверяет с помощью губернского или областного правления, полиции;

41) в Собрании должны быть тетради, в которых записаны все школы, учителя, мечети;

42) Собрание после истечения срока принятия кассаций доводит свои решения до сведения полиции, она исполняет;

43) пока методы экзаменов в медресе не устоялись, в крупных городах образуются экзаменационные комиссии;

² Здесь – казахи Степного края. – А.Х., Д.М., И.Г.

Тот, кто усвоил курс мектеба, становится имамом, курс медресе – хатибом, курс высшего медресе – мударрисом.

44) Собрание публикует ведомость для донесения своих решений;

45) издает книгу «шариат-канун» (законы Шариата), собрав все решения. Это будет руководством к действию всем духовным лицам.

Таким образом, полномочия Собрания должны были включать в себя религиозные полномочия ОМДС: назначения духовенства, строительство и ремонт мечетей. При этом Р.Фахретдин добавляет контроль над вакфами, религиозной литературой, издание нормативно-правовых актов. В сфере просвещения оно берет в свои руки систему частного религиозного образования и назначение вероучителей в государственные школы. Наряду с имеющимся ведением метрических книг, списков мечетей и духовенства, в круг документации включаются списки школ и учителей. Полномочия Собрания распространяются на социальную сферу, включая помощь сиротам и вдовам. Решения Собрания в административной и судебной сфере должны были реализовываться с помощью губернского или областного правления, полиции.

В пятой главе анализируется назначение духовных лиц на должности. При этом по п. 46 «ученые назначаются на духовные должности, на религиозную службу не временно, а пожизненно». Высшей точкой являются выборы муфтия (п. 53): «определяются по три кандидата, набравшие большинство голосов, и от имени муфтия представляются в МВД, а затем императору, один из представленных утверждается». Список выборщиков (п. 55): «1) мударрисы высших медресе, 2) ахунды городов, 3) военные или гражданские чиновники с 7 класса, 4) дворянские предводители на службе, 5) почетные мировые судьи, 6) присяжные поверенные, 7) земские начальники, 8) председатели, члены земств уездов, округов, 9) гласные земских собраний уездов, округов, 10) председатели, почетные члены всех исламских благотворительных обществ, 11) люди, пожертвовавшие в одно из благотворительных обществ единовременно не меньше 3000 рублей, 12) люди, завещавшие в вакф медресе имущества на сумму 3000 рублей, 13) люди, организовавшие на свои средства приют и воспитывающие не менее 10 сирот, 14) члены городских дум, 15) один из членов мутаваллията деревни».

Седьмая глава посвящена характеристике мест поклонения, молелен и мечетей. В п. 63

указывается, что «молельни – это помещения, которые организовываются в тех местах, где нет официальной махалли; для коллективных молитв, при содействии Собрания. Собрание содействует тем, кто обращается к нему с заявкой и свидетельством о том, что нет препятствий со стороны местной полиции». В п. 66 мечеть определяется как «вечный вакф в пользу мусульман под покровительством государства». Во всех отношениях обладает имущественными правами вакфов, правом неотчуждаемой собственности (амляк), купчие освобождаются от пошлины, от всех налогов, сборов в казну. Тем самым мечеть наделялась правами юридического лица и становилась полноправным собственником, каковое право отсутствовало в российском законодательстве. Для управления делами прихода «члены каждой махалли... должны были избирать мутаваллиев. Комиссия мутаваллиев называется мутаваллията. Приговор махалли заверяет ахунд и отправляет список мутаваллиев в Уфу в Собрание» (п. 67). Следует отметить, что российское законодательство в то время не признавало наличия вакфов и мутаваллиатов для округа ОМДС. Р.Фахретдин определяет «обязанности мутаваллията: управление мечетью, вакфами мечети, доходами и расходами мектебов и медресе, санитарно-гигиеническим состоянием мектебов и медресе. Ежегодно мутаваллият представляет отчет о доходах и расходах в собрание. За справедливую, честную, усердную службу каждый мутавалли достоин награды» (п. 68). Наличие вакфного имущества должно было освободить махаллю от зависимости от баев – богатых, наиболее зажиточных членов общины.

Восьмая глава посвящена членам, духовенству и обязанностям махалли. Выдачей разрешения на восстановление старых мечетей, строительство новых, организацию новых махаллей занимается само Собрание согласно п. 34 (см. п. 69). В обязанности мутаваллията входит «управление доходами и расходами мечети» (п. 70). Махалля должна быть финансово обеспечена (п. 71): «здание мечети, здание мектеба при мечети, хороший дом для проживания местного духовенства, содержание местного духовенства» – если все это обеспечивается за счет вакфа и если все эти расходы община на себя возлагает приговором. Только при таких условиях Собрание помогает новой махалле. Однако исключением из этого пункта являются киргизы, по причине того, что они кочевники, и сибирские мусульмане из-за излишне разбро-

санного проживания. По п. 72 «каждая махалля безусловно обладает правом избирать одного имама и одного муэдзина, однако если нет вакфного дома, то не имеет права избирать хатиба». Тем самым именно вакфный дом является физическим центром управления для махалли. По п. 73 «на местное духовенство возлагается исполнение в своих махалля всех обязанностей, помимо тех, которые возложены на ахундов».

Девятая глава посвящена статусу вакфов. В п. 75 дается определение: «вакфы, определенные для содержания мектебов и медресе, распространения среди народа хорошей морали, помощи мечетям, духовенству, сиротам, шакирдам – управляются Собранием. Вакфы: имущество, такое как земля, вода, дом, деньги на правах собственности. Это пожертвование, которое мусульманин завещает во имя Аллаха собственноручно или завещанием». Р.Фахретдин выступает за стабильный контроль над вакфами со стороны муфтията (п. 76): «Собрание фиксирует все вакфы, относящиеся к нему, в специальной тетради. Хранит купчие, акты, в надежных местах в негораемых шкафах. Внимательно следит за сохранностью вакфов, за всесторонним и постоянным исполнением условий вакфа, ежегодно получает отчеты от мутаваллиев, ежегодно представляет отчет в МВД. Также обеспечивает, чтобы вакфы, определенные впредь, были в рамках закона, и официально законодательно оформлены». Собрание «тщательно фиксирует в тетрадях доходы и расходы вакфов, пункты расходов смотрителей вакфов, если есть имущество, сдаваемое в аренду, то условия аренды, арендаторов» (п. 77).

В пункте 77 расписан механизм ликвидации вакфов: «если условия вакфа прекратятся, и места, для которых определен вакф, прекратят существование, или если не останется надежды на то, чтоб туда тратить, Собрание продает их на торгах, вырученные средства поступают в казну вакфов». Тем самым в лице казны вакфов (вакыф хэзинәсе) Собрание получает независимый источник существования. В пункте 78 определяется механизм решения спорных вопросов: «все иски, касающиеся вакфной собственности, рассматриваются в гражданских судах, посягнувшие на вакфное имущество приравниваются к посягнувшим на казенное имущество. Вакфное имущество освобождается от всех видов налогов, купчие – от всех пошлин». Р.Фахретдин проявил здесь глубокое понима-

ние и уважение к судебной системе России, сформированной в результате реформы 1864 г.

В пункте 79 расшифровываются полномочия местного мутаваллиата: «если вакиф (завещатель вакуфа) сам не назначит мутавалли, то мутаваллиат махалли управляет вакфным имуществом, сохраняет, записывает, подсчитывает доходы и расходы». Тем самым мутаваллиат превращается в стабильную легальную структуру.

Наиболее целостным из проектов светских деятелей был проект видного идеолога и лидера тюркизма, в 1906 г. члена ЦК конституционно-демократической партии Ю.Акчуры, затрагивавший уровень ОМДС [9: 44-49]. По нему, «духовенство (руханилар) делится на две группы: а) высшее – муфти, ахун(д), мухтасиб, мударрис; б) приходское (махалля) духовенство – имам-хатиб, имам-мударрис, муэдзин» (п.5). Мы используем здесь термин «духовенство», но в отличие от «указных мулл» эти лица не должны были получать утверждение от органов администрации на местах. Ю.Акчура предлагал двухуровневые общенародные выборы муфтия. Причем на втором этапе выборщики избирались бы примерно от 50 приходов. Съезд выбрал бы трех кандидатов при окончательном решении по усмотрению императора. Ю.Акчура предложил по функционалу разделить духовные лица на три группы: «Ахуны, мухтасибы, мударрисы обладают правами и обязанностями по закону. Ахуны управляют и контролируют вопросы правосудия в рамках махаллей, мухтасибы – финансовые и организационные вопросы, мударрисы – вопросы образования. Каждый из них является руководителем местного духовенства в означенных вопросах» (п.12). Само Духовное управление (ДУ) состоит из муфтия и шестерых кади, подразделяется на три управления: 1) отдел юридический (гаделия) состоит из ахундов; 2) отдел управления, состоит из мухтасибов; 3) отдел образования, состоит из мударрисов (п. 17). Тем самым, мы фактически видим здесь принципы, положенные в основу создания Милли Идарэ (Национального Управления) в 1917 г. Здесь в рамках ОМДС возникают основы трех ведомств (назаратов): духовного (диния), финансового (малия), образования (мәгариф). В Духовное управление входят шестеро казыев: два ахуна, два мухтасиба, два мударриса. Один из шестерых, по решению муфтия, считается старшим кадием, заместителем муфтия (п.15). В 1917 г. эту последнюю позицию займет Р.Фахретдин, хотя и не сразу приедет в Уфу и приступит к

деятельности. Отметим, что в 1917 г. Милли Идарэ состояло из председателя и членов трех ведомств. При этом каждое из ведомств, в свою очередь, состояло из председателя и шести членов [12: 334-335]. Ю.Акчура предложил также создать «Совет улемов», что было осуществлено в 1923 г.

Под проектом Ю.Акчуры подписались будущие участники I Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде. Среди них были будущие депутаты I Гос. Думы: А.Ахтямов, М.-З.Рамиев (Дэрдменд), С.-Г. Алкин. После закрытия совещания была создана комиссия по доработке петиции. В нее вошли мурза полковник К.-М.Тевкелев, казый Р.Фахретдин, член Уфимского губернского присутствия С.-Г.Джантюрин, члены Окружных судов Дж.Сайдалин и Г.Тимуров, адвокаты А.Ахтямов и С.-Г.Алкин (депутаты I Гос. Думы и члены ЦК «Иттифака»), имам Г.Апанай, золотопромышленник М.-З.Рамиев (Дэрдменд), промышленники И.Акчурин и Ю.Дебердеев. 12 мая 1905 г. петиция с сопроводительным письмом муфтия были направлены в МВД [9: 44-49].

В окончательном проекте ОМДС также предусматривалась трехуровневая система управления:

1. «Приходское» духовное управление во главе со старшим в приходе имамом. Управления приходских имамов должны обеспечивать монопольный контроль над общественной жизнью махаллей. Имамы избирались бы всем населением прихода (ст.3).

2. Вилайат меджлисе – окружное управление ахунов, в которое входили бы около 100 приходов. Он состоит из трех членов казый (председатель) и двух членов из хатыбов и мударрисов (ст.7).

3. Само Духовное Собрание – Центральное правление (Мэркез идарэ), состоящее из муфтия и шести казыев (ст. 51).

На съезде округа ОМДС избирались бы три кандидата, из которых императором утверждался один муфтий (ст.50) [9: 112-116].

Решения «Голяма жэмгыяте» были публично озвучены 22-25 июня 1905г., когда в Уфе прошло «совещание доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся мусульманской религии». Здесь предусматривалась трехуровневая система управления:

1. «Приходское» духовное управление во главе со старшим в приходе имамом. Управления приходских имамов должны обеспечивать

монопольный контроль над общественной жизнью махаллей (ст. 44.). Имамы избирались бы всем населением прихода.

2. Важнейшим требованием программы являлось создание среднего звена управления на уровне уезда – управление окружных ахунов, что выполняло бы роль губернских и уездных меджлисов духовенства, как в Закавказье. Они приравнивались «к уездным учреждениям в сфере духовно-религиозных, духовно-учебных и нравственно-воспитательных». Намечался принцип строгого распределения полномочий: «Управлениям окружных ахунов вменяется в обязанность не возлагать на гражданские власти какие-либо поручения, входящие в круг обязанностей самого окружного управления, и не позволять себе ни в каком случае вмешиваться в круг их обязанностей и правил». Ведение всего делопроизводства в этих окружных учреждениях предполагалось на татарском языке. Управления окружных ахунов получают «право созыва приходского или сельского... обществ для обсуждения... и вообще о делах прихода», а также право постановки приговора (ст. 32). Ахуны избирались бы духовенством округа.

3. Высшим духовным чином предполагался муфтий, избираемый мусульманским населением всего округа ОМДС. Он получал ранг единоличного главы миллета с правом доклада императору (ст. 47).

Высшим органом миллета является съезд среднего и высшего духовенства, проводимый раз в 3 года «на предмет рассмотрения и обсуждения вопросов принципиального свойства, выдвигаемых жизнью и согласования разрешения таковых с правилами шариата» (ст. 49) [13: 1-12].

Так как идея религиозной автономии была наиболее близка и понятна большинству татарского населения, то все эти проекты предусматривали создание автономного миллета по османскому образцу, контролирующего вопросы не только религии, но и образования и вакфной собственности. Система управления приобретала трехуровневый характер. С развитием революции летом 1905 г. предполагалось создание и квазипарламента автономии в лице регулярного съезда духовенства. Здесь продолжается идея 1860-х гг. о созыве съезда для выборов муфтия. При этом мы видим регулярный характер съездов и решение на них ключевых проблем современности. Съезды носят узко корпоративный характер, превращаясь в подо-

бие православных архиерейских Соборов. Таким образом, сами члены ОМДС, улемы и имамы, представители интеллигенции, буржуазии и мурз единодушно выработали план единой религиозной автономии мусульман России, выражавший чаяния всей российской уммы.

III Всероссийский мусульманский съезд проходил 16-21 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде. Его протоколы и Постановления были собраны М.Биги в 1906 г. Съезд стал пиком мусульманского политического движения в период первой русской революции. В Постановлениях съезда и в программе партии «Иттифак» делегаты съезда выступили за превращение России в конституционную монархию, где суверенитет принадлежит избираемому гражданами парламенту. Из трех видов автономии: религиозной, национально-культурной, территориальной – была поддержана первая. Духовную комиссию съезда возглавил Г.Баруди. По программе реформы управления духовными делами в России создавались пять Махкама-и-Исламия (Мусульманских Собраний), включая два на Кавказе, Оренбургское, Таврическое и Туркестанское. Им передавались все религиозные дела мусульман, включая контроль над медресе, мечетями и вакфами, утверждение духовных лиц и судопроизводство по вопросам никаха, талака и мираса. Средний уровень должны были составлять губернские и уездные медресы духовенства. Главой мусульман России избирался Раис-уль-Улама, имеющий ранг имперского министра и право личного доклада Императору. Все духовенство избиралось только мусульманами. И.Гаспринский призвал к тому, чтобы автономию возглавили Г.Баруди и Ю.Акчура. Таким образом, муфтием должен был стать улем, а его помощником – юрист. Г.Баруди заявил, что реальная власть будет в руках одного лидера, так как пять муфтиев образуют единый центр. Избрание духовенства включало три элемента: избрание приходом, экзамен и одобрение Духовным Собором. Г.Исхаки выступил за избрание имама только приходом, а также прямое избрание народом раиса, муфтиев и кадиев. В целом в 1905-1906 гг. мы видим наиболее развернутые планы реформ ОМДС со стороны самих мусульман [14: 3-129].

Однако царские власти вплоть до Февральской революции 1917 г. так и не поведут сколько-либо значительных реформ Духовных управлений мусульман (некоторые изменения произошли в отношении мусульман Крыма). По справедливому мнению Д.Ю.Арапова, хотя ма-

териалы Особого совещания 1906 г. по делам веры формально не имели законодательных последствий, они обладают немалым познавательным значением. Из них отчетливо становится видно, что ни о каком диалоге с мусульманами царские чиновники не думали и не собирались думать. Основной смысл высказываемых ведущими администраторами империи пожеланий сводился по сути своей к желанию не объединять, а децентрализовать существующие мусульманские духовные правления, попробовать раздробить их на еще более мелкие и слабые части, при полном сохранении как над ними, так и над системой мусульманского просвещения, жесткого правительственного контроля. Итак, устремления мусульманской общественности и царской администрации двигались в прямо противоположных, антагонистических направлениях [15: 254-297]. Власть боялись, что единая российская умма может превратиться в весьма влиятельного актора (игрока) на общеимперской арене. Сохраняя имперские мусульманские институты и общины на местах (число которых постоянно росло), власти стремились не допустить создания исламских институтов (прежде всего в лице Духовных собраний) на общегосударственном уровне.

Муса Биги в «Исляхат эсаслары», наоборот, показывает, что российское мусульманское общество в период российской революции 1905-1907 гг. стремилось к расширению прав Духовных собраний (управлений) в рамках правового пространства Российской империи. Вместе с тем участие российских мусульман в либеральном общественно-политическом движении свидетельствует о том, что они рассматривали становление правового государства в России как предпосылку для получения религиозной автономии. Ризаэтдин Фахретдин на протяжении практически всей первой четверти XX века разрабатывал проекты религиозной автономии, охватывающей всю вертикаль религиозного устройства.

«Исляхат эсаслары» Мусы Биги требует научного перевода и издания с соответствующим научным аппаратом. Через столетие после своего создания оно остается наиболее репрезентативным изданием по истории общественно-политического движения российских мусульман-татар периода революции 1905-1907 гг.

Литература

1. *Gormez M. Musa Carullah Bigiyef. Ankara, 1992. 228 s.*

2. Юзеев А.Н. Просветительская мысль татарского народа. Казань Таткнигоиздат, 2014. 415 с.
3. Хайрутдинов А. Последний татарский богослов (Жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигиева). Казань, 1999. 127 с.
4. Ислам на Европейском Востоке. Энциклопедический словарь. Казань: Магариф, 2004. 383 с.
5. Гимадеев И.Ф. Дискуссия о суфизме в татарском обществе начала XX века: взгляд Мусы Бигиева // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 2 (20). С. 51-54.
6. Хабутдинов А. Все дети Адама равны между собой. Муса Биги (1875-1949) // Лидеры нации. Казань: Таткнигоиздат, 2003. 159 с.
7. Мухетдинов Д., Хабутдинов А. История Духовных управлений мусульман России в XVIII-XXI веках. Нижний Новгород: ННГУ, 2012. 260 с.
8. Топчибашев Г.М. Русия мөселманлары иттифакының программасы. СПб., 1906. 16 с.
9. Биги М. Исляхат әсаслары. Пг., 1917. 530 с.
10. Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского Магометанского Духовного Собрания (1788-1917): институты, люди, идеи. М. – Нижний Новгород: ИД Медина, 2010. 208 с.
11. Ислам в Российской империи (Законодательные акты, описания, статистика) // сост. Арапов Д.Ю. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. 367 с.
12. Айда А. Садри Максуди Арсал. М.: [Б.и.], 1996. 359 с.
13. Протокол Уфимского губернского совещания образованного с разрешения Господина Министра Внутренних Дел из доверенных башкирских волостей Уфимской губернии. Уфа, 1905. 12 с.
14. 1906 сәнә 16-21 августта ижтимаг итмеш Русия Мөселманнарының нәдвәсе. Казань, 1906. 172 с.
15. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М.: МГУ, 2005. 357 с.

МУСА БИГИ РОССИЯ МӨСЕЛМАННАРЫНЫҢ ИЖТИМАГЫЙ ХЭРӘКӘТЕ ТАРИХЧЫСЫ

Дамир Вәис улы Мөхетдинов,

М.В.Ломоносов исемендәге Мәскәү дәүләт университеты,
Россия, 119991, Мәскәү ш., Ленинские горы, 1 нче йорт,
ildar-nn@ya.ru.

Айдар Юрьевич Хәбетдинов,

Россия дәүләт гадел хөкем университетының Казан филиалы,
Россия, 420088, Казан ш., 2 нче Азин ур., 7 нче А йорты,
aihabutdinov@mail.ru.

Илшат Фердинант улы Гыймадиев,

Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
IFGimadeev@kpfu.ru.

Тикшерелә торган проблеманың актуальлеге хәзерге вакытта Россия һәм бөтен дөньяда мөселманнар ижтимагый хәрәкәтенең активлаша баруы һәм массакуләм характерга ия булуы белән билгеләнә. Мәкалә 1905-1907 нче елгы инкыйлаб чорында Россия мөселманнар ижтимагый хәрәкәтенең дини автономия һәм Россияне хокукый дәүләт итеп үзгәртеп кору шигарьләрен ни рәвешле берләштерүләрен күрсәтүгә юнәлтелгән. Әлеге проблема Пьер Бурдые капиталы теориясенә нигезләнеп тикшерелә, чөнки руханилар дини автономия төзегәндә, дини капитал белән беррәттән, мәдәни, социаль һәм символик капитал да булдырырга омтылалар. Муса Биги «Исляхат әсаслары»нда Россия мөселманнарының, аеруча татар элитасының рус инкыйлабы чоры ижтимагый хәрәкәтен һәм реформа проектларын дини автономиянең тотрыклы структураларын төзү өчен файдалану омтылышларына игътибарын юнәлтә дигән нәтижәгә киләбез. Муса Биги хезмәтенең нигезендә Идел-Урал төбәге мөселманнарының дини оешмаларында узган гасырның беренче елларынан алып вафатына кадәр хәлиткеч роль уйнаган Ризәтдин Фәхрәтдин проекты ята.

Төп төшенчәләр: Муса Биги, Ислам, Ризәтдин Фәхрәтдин, 1905-1907 нче елгы Россия инкыйлабы, Мәхкамә – и шәрғия Ырынбургя.